

РУСЛАН
ХОДЯКОВ

ЛУННЫЙ ПЛАНТАТОР

ЧЕЛОВЕК ПРОДАВШИЙ ЛУНУ

Издательские решения

Руслан Ходяков

Лунный плантатор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8226502

ISBN 978-5-4474-0119-1

Аннотация

С чего началась эта история?

Эта история началась с того, что Родику Оболенскому в руки попал красочный, гляцевый номер журнала «People». Журнал американский. Язык, естественно, английский.

Статья, которую Родион прочел в журнале называлась:

«Thomas Moor – Landlord of the Moon» (Томас Мур – Хозяин Луны).

Я не в коем разе не пытаюсь привить русскому человеку заокеанские вкусы. Наоборот, пусть эти, акулы мирового империализма знают, что и мы не лыком шиты. «People» мы читаем на завтрак, после того как прочтем «Вечерку».

Вот таки дела.

Как к Родику попал этот журнал мы опустим. Мало ли как. Но если бы этого не произошло, то книги которую вы держите в руках наверняка бы не существовало. Это я буду утверждать со всей ответственностью.

Содержание

Небольшое предисловие от автора	4
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	26
Глава четвертая	35
Глава пятая	44
Часть вторая	52
Глава шестая	52
Глава седьмая	60
Глава восьмая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Руслан Ходяков

Лунный плантатор

Человек продавший Луну

Небольшое предисловие от автора

Вот мы и встретились, дамы и господа! Послушайте, что я вам скажу. Не спешите переворачивать страницу. Дайте автору выговориться.

С чего начинается любая история? Любая – интересная и не интересная, смешная и не очень? Любая история начинается с другой истории. Рассказанная в другое время, другим человеком, при других обстоятельствах и может быть даже на другом языке.

С чего началась эта история?

Эта история началась с того, что Родикку Оболенскому в руки попал красочный, гляцевый номер журнала «**People**». Журнал американский. Язык, естественно, английский.

Я не в коем разе не пытаюсь привить русскому человеку заокеанские вкусы. Наоборот, пусть эти, акулы мирового империализма знают, что и мы не лыком шиты. «**People**» мы читаем на завтрак, после того как прочтем «Вечерку».

Вот таки дела.

Как к Родику попал этот журнал мы опустим. Мало ли как. Но если бы этого не произошло, то книги которую вы держите в руках наверняка бы не существовало. Это я буду утверждать со всей ответственностью.

Статья, которую Родион прочел в журнале называлась:

«Thomas Moor – Landlord of the Moon»

«Томас Мур – Хозяин Луны». Это в переводе. Кому интересно, тот может запросто отправиться в публичку, попросить журнал за июнь месяц и прочесть сей шедевр англоязычной журналистики в оригинале. Я же позволю себе привести сокращенный авторизованный перевод этого текста. И, да не пеняет мне потом наш грамотный читатель за посредственное знание английского.

«... Томас Мур, сорока пятилетний юрист из Арканзаса, специализирующийся на «правах собственности» в январе 1998–го года подал в окружной суд города Канзас-Сити заявление с просьбой зарегистрировать естественный спутник земли Луну в качестве «брошенной собственн о сти». Одновременно было подано еще одно заявление с требованием признать за ним, Томасом Муром, права владения Луной.

Дело в том, что согласно международной конвенции «О брошенной собственности», всякая собственность не имеющая или лишившаяся хозяина переходит к тому, кто первый предъявит на нее права.

После двухмесячного разбирательства окружной суд Ка

н зас-Сити постановил закрепить за Томасом Муром право собственности на естественный спутник.

Когда корреспондент журнала спросил Томаса, что он будет делать с целой планетой, неожиданно нежданно оказавшейся в его руках, тот ответил: «Подарю дочери на свадьбу!»

Более роскошного подарка трудно себе представить...»

Вот такая замечательная история.

И все бы ничего, да только Родиона Оболенского поразила та узость кругозора которую проявил на первый взгляд пронырливый американец. Уж он-то Родион Оболенский знал каким образом можно извлечь выгоду из лунного света. Каким образом можно превратить лунную дорожку в золотой ручеек. Впрочем, благодаря интересному стечению обстоятельств, это ему, Родиону, прощелыге этакому, таки удалось.

Об этом, собственно, и книга.

Предвосхищая закономерный вопрос: «Кто же он на самом деле, ваш Родик?» Я отвечу... Точнее, не отвечу ничего. Читайте сами. Единственное, что скажу – это не первая книга о «взломщике» Родионе Оболенском. Были и другие...

АВТОР

Часть первая

Писающий мальчик

Глава первая

В которой Пузырьков пьет водку, поезд катится себе прямо, а мысли Пузырькова петляют как заяц на путях в свете прожектора головного электровоза

Что есть железная дорога, – размышлял Костя Пузырьков проводник 13-го вагона поезда «Жмеринка – Санкт-Петербург». Не то, что бы размышлял, а так, перекачивал кое какие факты в своем умишке отягощенном двумястами граммами водки. – Железная дорога есть – замечательная штука, венец прогресса конца прошлого века, изумительное транспортное средство с помощью которого любой мало-мальски приличный индивидуум может доставить свое брэнное, испиленное женой, измученное любовницей, изъеденное начальством тело из пункта «а» в пункт»» с наименьшими потерями веса в глазах общественности. Так было и так будет.

Со времен братьев Уайт и по сей день катятся себе люди в вагончиках по долинам и по взгорьям мимо городов и населенных пунктов поселкового типа, мимо больших и маленьких деревушек, воль озер и океанов, через леса и сквозь африканские джунгли. Катятся себе и в ус не дуют. Потому как усы в наше время есть не у всех, в особенности у женщин, которым, как известно, этот продукт человеческой жизнедеятельности по половому признаку не положен.

Катятся они значит себе и думают о том, что как здорово все таки устроена наша с вами жизнь, что можно вот просто так ехать сидя на нижней полке плацкартного вагона, поглядывая в окошко за которым мелькают березки, разные там тополя и осины, тщательно пережевывая вареную курицу заботливо положенную в дорогу женой, которая сейчас черте с кем и черте что делает, ехать и думать о хорошем.

О том например, что раньше все поезда были сплошь на паровой тяге, а сейчас кочегару в поезде делать нечего потому как кочегарок в поездах нынче не делают – кругом сплошное электричество. Сидит себе машинист и кнопочки нажимает. Нажал кнопочку и вот тебе пятьдесят километров в час, нажал другую – сто километров, нажал третью и полный тормоз. Ходят правда слухи, что и машинистов поездах не станет, а из начальства будут лишь спутниковые антенны и ревизоры.

Что ж, человечество далеко шагнуло за последнее время по пути технического развития, но проводники в вагонах бу-

дут всегда.

Ведь если спутниковая антенна сможет обойтись без проводника, то ревизор вряд ли. Хоть она и сама, говорят, на полупроводниках, но билеты компостировать не в состоянии, а уж левых пассажиров сажать тем более. А на леваке как известно не то, что ревизоры, вся железная дорога держится, ну и еще начальнике состава, который даже ревизоров не боится, а если боится, то не очень.

На памяти Кости Пузырькова был один такой замечательный начсос – некто Евгений Максимович по фамилии Шапка, которому сам черт был не стрелочник.

Помнится насажал как-то Евгений Максимович Шапка левых пассажиров по самые некуда – от тамбура последнего вагона по тамбур электровоза. Да так, что из обелеченых клиентов во всем поезде было человек двадцать. Насажал он, значит человек триста левых и катит их в нужном направлении, то есть куда кому надо.

А тут со следующей станции ему передают, мол встречайте ревизию, да не откуда-нибудь а из самого главка. Передают ему стало быть по связи эту замечательную новость, а он хоть бы хны. Ну выпивши был конечно, но это не главное. Главное то, что зам начальника поезда мечется в панике, боится, что Шапку за такие дела с тремястами зайцев не то, что с работы снимут а вообще в тюрьму упекут, а вместе с Шапкой и его замначальниковская голова покатится.

Мечется значит он как мышь на рельсах, а Евгений Мак-

симович сидит себе нога за ногу и только знай коньячок и чайного стакана потягивает под видом крепкого чая с лимоном. «Не дрейфь, – говорит Шапка. – Прорвемся!» – и дает машинисту команду на следующей станции не останавливаться. Так и пролетел поезд с грохотом мимо обалдевших ревизорских морд на перроне.

По шапке с занесением в личное дело Евгений Максимович получил, но с работы его не убрали и в должности не понизили потому как денег вырученных от левых пассажиров с лихвой хватило на то, что бы сунуть кому надо и стрелки перевести. Вот такой отважный, матерый был человечище! Разве такого спутниковой антенной заменишь? И стараться нечего. Компьютеры, конечно, штука хорошая, но и думать иногда надо.

Вот ему, например, Пузырькову, обычному проводнику, никакого компьютера не надо, что бы подсчитать сколько денег он получит с этой поездки. Потому как получит он не денег, а фигу с маслом. Несмотря на то, что работает проводником на два вагона. Этот, 13– й, и соседний, 22– й. До самой Орши не то, что левого – законно обелеченного пассажира не будет. Не сезон. Вот на Одесском в это время у ребят карманы от денег лопаются по диагонали, а из Жмеринки только бабульки к родственникам в Питер тянутся с кошелками на перевес, то есть перпендикулярно всему телу.

И сидит он, Костя Пузырьков, на пару с бутылкой русской водки и думу думает как Чапаев перед тем как к Деникину

сунуться, в том смысле что скоро надо будет к начальнику поезда идти ответ держать, почему денег нету. А ответ один. Не сезон и все тут. Да и рейс не тот, да и времена не те. Не возят уж хохлы колбасу да сало в Питер тоннами с «ридной Украины», потому как в Питере своей колбасной продукции завались по самое не хочу.

Вот раньше было время, что надо. В вагоне не продохнуть от копчено-чесночно-перечного запаха. Идешь по вагону – смотри в оба, а не то о какой ни будь замотанный в смоченную уксусом тряпку окорок споткнешься, а сверху тебя того и гляди шматом сала придавит. Красота! Есть с кого и за что денежку брать.

Дел невпроворот. То санинспекция нагрянет, то украинские пограничники, то белорусские, то свои родные россияне, то, опять же, ревизоры пожалуют. Со всем надо выпить-закусить. Всех умаслить.

А теперь что? Ничего.

По идее в поезде можно было бы всего два проводника оставить.

Заходят к примеру пограничники. Тот проводник, что в первом вагоне им говорит, разводя руками: «У нас никого нет». Проходят они через поезд, а тот проводник, что в последнем тоже разводит руками и хитро так замечает: «Ну, что? Убедились?»

Таки дела. Поэтому сидит Пузырьков, думает и водочку попивает. Не пьянства ради, а просто от скуки лютой.

А за окном мелькают столбы без счета, унося мысли Пузырькова к заоблачным далям, практически к горизонту. Летят пузырьковские мысли, несутся вскачь, прыгают от одного к другому как блохи по перрону в жаркое лето... Вот к вечеру, глядишь Настюха заглянет – проводница из 1-го и если Костя к тому времени не будет лежать пьяным в щепенку, то возможно он найдет в себе силы разобраться в конструкции застежки ее бюстгальтера.

О, Проводницы! О вашей доступности слагают легенды Гомеры железных дорог – певцы вагонных сцепок и линий электропередач. Стоит только проявить к вам немного теплоты и ласки, душевной щедрости как вы уже готовы разделить свое жесткое купейное ложе с первым попавшимся командировочным ловеласом и отдаться ему в такт перестука колесных пар под вагоном рядом с дребезжащей грудой подстаканников.

А все, думаете, почему? Потому, что железная дорога – это вам не только миллионы километров рельс помноженные на десятки миллионов шпал – это особый ритм жизни которому подчиняется все, что движется в вагонах по этим самым рельсам. Причем ритм, в буквальном смысле слова.

Когда-то Косте Пузырькову попался в руки журнальчик под названием «Наука и Жизнь». Там, в одной из статей некий профессор очень грамотно доказывал влияние разных ритмов на организм человека.

Дескать если взять отдельно какой-нибудь организм

и подвергнуть его разным вибрациям, то запросто, без всякой водки, можно вызвать у него печаль, радость или, что особенно поразило Пузырькова, желание интимного характера.

Смычку науки и жизни Костя мог подтвердить на собственном опыте. Практически каждая новая проводница, будь она хоть трижды строгих правил, в первый раз пришедшая работать на железную дорогу, через несколько рейсов становилась преисполненной творческого энтузиазма честной давалкой.

Да Пузырьков и сам постоянно ощущал в себе прилив энергии лишь только стоило поезду выкатиться за пятикилометровую санитарную зону города. Видимо есть нечто магическое, чарующие и фрейдистское в этом бесконечном «трах-та-дах-трах» доносящемся из под вагона.

Пузырьков настолько уверился в этой теории ритмов, что все своим знакомым испытывающим проблемы с противоположным полом настоятельно рекомендовал побольше путешествовать железнодорожным транспортом или вообще в проводники записаться.

Такая она железная дорога. И случаются на ней разные чудеса.

Глава вторая

В которой Пузырьков разговаривает с призраками, обнаруживает в своем вагоне ноги неизвестного, и поддается скромному очарованию их владельца

Пузырьков смачно зевнул своим мыслям, поскреб пятерней тощую грудь сокрытую под стираной-перестираной майкой с выцветшей надписью METALLICA на которую сверху была надета сиреневая, не первой свежести форменная рубашка, для маскировки накрыл бутылку водки картонным пакетом из-под кефира и аккуратно поставил ее на батарею под столиком подальше от пытливого ока начальника состава который сам этого дела не употреблял и другим в ультимативной форме не советовал.

Понюхав пустой стакан в котором еще совсем недавно морем разлитым плескалась водка, Костя с нескрываемым сожалением ополоснул его водой из под крана и поставил в шкаф над раковиной. Повернувшись к вделанному в дверь купе зеркалу он критически осмотрел свою физиономию, сопя выдавил прыщик на подбородке, выдернул из левой ноздри несколько конкретно торчащих наружу волосинок, затем

снял с верхней полки форменную фуражку, нахлобучил ее себе на нечесанный затылок, открыл дверь купе и вышел в коридор.

До неприличия пустой плацкартный вагон предстал хмельному пузырьковскому взору. Более ста погонных метров полков, обтянутых красным дерматином, окантованных потускневшим алюминием, нижних, сундукообразных и верхние, вздыбившихся к зениту, похожих на разведенные пролеты питерских мостов, тянулись в пыльные дали до следующего тамбура и дух странствий носился над всем этим.

Совершенно особый дух, пахнувший: копченой колбасой, водочным перегаром, нестираными носками, разлитым пивом, чесноком, луком, вареными яйцами, прокисшим лимонадом, сырыми простынями, потом, духами, одеколоном, мылом, зубной пастой, притухшей рыбой, угольной пылью, мочой, сгнившим виноградом, табаком, мокрыми тряпками, задохнувшимся от жары мороженым, пирожками, цветами, яблоками, сардельками и вчерашним супом. Все это смешалось, соединилось, слилось, взболталось, сроднилось, вспенилось, сгруппировалось, разложилось на атомы, дало реакцию и выпало в осадок в виде особого вагонного запаха — духа странствий.

Пузырьков хищно раздвинув ноздри втянул этот дух и улыбнулся, прищурился от удовольствия правый глаз.

Это был его мир. Здесь была его вотчина вверенная ему в пользование и обслуживание высоким начальством.

И пусть сегодня по плацкарте будто Мамай прошел, зато завтра будет новый рейс и потянутся пассажиры гуськом с перрона в вагон занимать указанные в билетах места, двигая тяжеленные чемоданы и коробки, толкая друг друга, чертыхаясь, извиняясь, успокаивая детей и целуя любимых на прощание.

А он, Пузырьков, вальяжный, деловой, при галстукe и сиреневой рубашке, в кителе со скрещенными молоточками на петлицах будет двигаться от купе к купе с усеянной многочисленными кармашками барсеткой для билетов в одной руке и именованным компостером в другой, проверяя эти самые билеты и изымая их на предмет компостирования.

Костя повернулся к первому купе, достал из заднего кармана штанов компостер и представляя будто купе полно пассажиров немного надменно, по хозяйски, но с ноткой радушия произнес:

– Здравствуйте. Ваши билетики... Спасибо. Куда едем? К какой такой матери? А к теще, значит, на блины. Понимаю...

... – Клоц! – цокает щербатой пастью компостер...

– Сумочку уберите пожалуйста, – обращается Костя к следующему воображаемому пассажиру. – Это не сумочка, а кошелек? Все равно уберите. Можете под полку задвинуть и цепочкой к батарее приковать, что б не унесли. Куда едем?

... – Клоц! – компостер снова смыкает зубки...

– Так, бабушка, что это у вас в плетеной корзинке? Кро-

лик? Крокоди-и-и-льчик??? Внучек из Африки в подарок привез? Хороший внучек. Славный. Знает как бабуся ублажить. А ну-ка покажите! Да спрячьте фотографию! Не внучка покажите. Крокодильчика! Ннннда... Такому крокодильчику в самый раз компостером работать... Зачем он вам? Яйца нести будет? Хм...

– Клоц!

– Бабуся! Придержите крокодила!!! Мало ли, что голодный! Билет давайте! Да не крокодилу, мне давайте! Мне! Он, что у вас билетами питается?... Приятной, бабушка вам дороги.

... – Клоц! – Пузырьков делает вид, что прокомпостировал билет несуществующей бабульки и качая головой переходит в соседнее купе...

– Здравствуйте... Не-не-не! Я пить не буду! Да подождите вы сало разворачивать! Дайте на билеты ваши полюбоваться. Куда едем?

... – Клоц!...

– Добрый день... Мне привет от дяди Изи из Казатина? И ему привет. Помню. Хороший такой чело... Я ему десять рублей должен!? Не знаю никакого такого дяди! Билетик, попрошу!

... – Клоц!...

– Здравствуйте. Ваш билетик. Куда едем?

... – Клоц!...

– Билетик попрошу... Добрый день.

... – Клоц!...

– Здравствуйте!

... – Клоц!...

Коля Пузырьков все больше входил в роль. Ему уже действительно начинало казаться, что вагон полон народом. Все куда-то едут, все куда-то спешат, торопятся, вещи по полкам распахивают, колбасу на газете режут, в окно провожающим машут, в спортивные костюмы переодеваются и ноги в шлепанцы засунуть норовят. Все именно так как и должно быть в нормальном человеческом плацкартном вагоне, то есть весело и по деловому. И он, Пузырьков, парит над всем этим шумом-гамом как коршун над аравийской долиной. Проверяет, контролирует, указывает и распоряжается согласно своим полномочиям.

И если где какой непорядок или там неувязочка, он тут как тут, дите успокоит, бабуську на место определит, вечно недовольного интеллента-чистоплюя урезонит, чемоданчик под полку втиснуть поможет и заклинившее окно в один момент расклинит если надо.

Любит Костя работу проводника, надо отдать ему должное. И даже жаль, что сейчас в вагоне пусто и не к чему Косте толком приложить свои таланты. Усилия его пропадают впустую, растрачиваются на миражи почему зря...

– Обидно... Ну, ладно! – проговорил Костя, вздохнул, сдвинул на лоб фуражку, поскреб рукояткой компостера взъерошенный вспотевший затылок и окинул мутным взгля-

дом заполненную миражами-пассажирами плацкарту.

Миражи продолжали бродить по вагону: миражи-дети прыгали с полки на полку, миражи-мамы носились с пустыми термосами и завернутыми в газету памперсами с подмоченной репутацией, миражи-отцы семейств изо всех сил изображали бурную «предстартовую» деятельность, а сами думали только о том, как побыстрее свинтить в тамбур на перекур...

Миражи перемещались из купе в купе, разговаривали, задавали Пузырькову вопросы, махали в окно руками, и время от времени, как запрограммированные, произносили сакраментальное – «когда чай будет?». Но среди всего этого многообразия миражей рожденных образовавшейся в мозгу Пузырькова пустыней иссушенной спиртовыми испарениями, Костя заметил в шестом купе один странный, мираж не мираж, а просто пару ног в черных носках торчащих с нижней полки в проход. Ноги никуда не торопились, никого не пинали, никаких особых реплик в духе Шекспира или там Гамлета не произносили, и чаю, что подозрительно, не требовали.

Пузырьков насторожился.

Персонажи рожденные пытливым Пузырьковским умом тоже насторожились, замерли кто в чем, и вопросительно посмотрели на своего создателя.

– Всем сделать ша! – сказал Костя и они растаяли.

Ноги остались торчать как небывало.

Пузырькову стало ясно, что ноги ехали зайцем. С компо-

стером на перевес он двинулся по коридору к месту, где самым возмутительным образом нарушались «правила проезда и провоза багажа», можно сказать нагло попирались торчащими в проход необелеченными ногами.

Добравшись до места нарушения Пузырьков практически сходу определил, что вышеозначенные конечности размера этак сорок третьего торчали из черных, идеально выглаженных брюк. В брюках бессовестно и безмятежно спало безбилетное тело пассажира – мужчины лет тридцати пяти, спало, подложив под голову тонкий черный чемоданчик типа «кейс», спало и видел сладкие сны в то время как в преисполненной служебного рвения душе Пузырькова с каждой секундой росло и ширилось справедливое негодование проводника обнаружившего на вверенной ему территории безбилетника.

Кроме брюк на безбилетнике была не совсем свежая, но чистая, белоснежная рубашка, расстегнутая в вороте и, ослабленный по вторую, пуговицу галстук цвета морской волны с набегаящими барашками прилива.

Нельзя сказать, что физиономия безбилетника была гладко выбрита, но утверждать, что этих щек никогда не касалась бритва тоже никто бы не взялся. Такой тип растительности на мужском лице злые тещины языки называют «трехдневной щетиной», а романтично настроенные язычки их дочерей – «элегантной небритостью а-ля Брюс Виллис». (Впрочем, сосед Пузырькова по лестничной клетке, заядлый со-

бачник по кличке «Ко-мне-Мухтар» почему то называл такой тип бритья «триминогом» и поэтому элегантно небритостью у него периодически, особенно по весне, щеголял дородный, черный как смоль ризеншнауцер, которого так и звали «Брюс».)

Таким образом про безбилетника можно было запросто сказать «элегантный молодой человек» принимая в расчет короткую, модную стрижку, точеный римский профиль лица и дорогие лакированные туфли, которые спящий аккуратно поставил на столик предусмотрительно постелив под них глянцевоый номер иностранного журнала, раскрытый примерно посередине и вывернутый «наизнанку».

Журнал распластавшийся под подошвами туфель безбилетника и ему, по-видимому, принадлежавший, назывался «People» и был открыт на странице с фотографией улыбающегося, рыжего человека чудаковатой наружности. Рядом с фотографией рыжего чудака размещалась другая – детальный снимок Луны из космоса, четко отражающий все особенности лунного рельефа. На над фотографиями нависал набранный крупным кеглем заголовок: «Thomas Moor – Landlord of the Moon». Что в переводе означает: «Томас Мур – Хозяин Луны». Но это для особо грамотных товарищей умеющих читать по-английски. Костя Пузырьков по-английски читать не умел, да и личность необелеченного пассажира сейчас занимала его гораздо больше нежели все журналы мира сваленные в одну кучу.

«Ну, ща я тебе выдам!» – злорадно подумал он, вошел в купе, и, как дух возмездия нависнув над безбилетником, гаркнул:

– Ваш билет попрошу!

Незнакомец и бровью не повел. У Кости перехватило дыхание от такой степени нахальства безбилетного пассажира.

– Эй, приятель, слышь!?! Билет предъяви! – громко произнес он.

Легкая, едва уловимая, тень скользнула по лицу спящего молодого человека. Словно где-то в вышине, белоголовый орлан, реюший над горами и долами в поисках добычи на долю секунды закрыл своим крылом солнце. И все.

Этого Пузырьков вытерпеть не мог. Он склонился над незнакомцем и прошипел ему прямо в лицо:

– Госпо-о-один хорош-ш-шый! Предъяви-и-ите биле-е-ет, пож-ж-жалу-у-йста-а-а!

Молодой человек, не меняя выражения лица открыл сначала один глаз потом другой, посмотрел на Пузырькова, и закрыл глаза.

– Закусывать вам надо, товарищ, – произнес он.

«Ах тааак!» – возопила обескураженная спокойствием безбилетника душа Пузырькова.

– Да я тебя сейчас... – проговорил Костя и запнулся, потому что сходу не смог придумать – что бы такого он мог сделать с этим наглецом в рубашке и брюках отказывающимся предъявить билет, поэтому Пузырьков просто грозно лязг-

нул компостером над самым ухом молодого человека и добавил. – Вот!!!

– Спокойно! – произнес тот. – Не рви сердце. – Молодой человек снова открыл глаза, на этот раз оба сразу, поднял руку, вежливо отстранил от себя проводника и сел на полке. – Оно того не стоит! – добавил он и спросил Пузырькова, глядя на его массивный компостер. – Звать то тебя как, кондуктор?

– Я не кондуктор, – сказал Костя и, повинуясь просто мистической уверенности, которая исходила от молодого человека, присел на противоположную полку. – Кондуктора в трамвае. Я проводник.

– Точно, – кивнул безбилетник. – Проводник. Конечно проводник. Как я мог проводника перепутать с кондуктором! Извини, брат! Так, что? Будем знакомится?

– Будем, – послушно кивнул головой Костя. – В смысле... То есть... – Пузырькову показалось, что он упустил, что-то важное. – Я хотел сказать... Константин! – Костя положил компостер на стол рядом с туфлями и вежливо протянул незнакомцу руку.

– Родион Оболенский, – молодой человек крепко и уверенно пожал протянутую руку. – Можно просто – Родик. Говорят, меня так мама называла. Хорошая была женщина! Правда бросила меня пяти месяцев от роду в ростовском детдоме с тех пор я ее и не видел... Но я на нее не в обиде. Разве можно обижаться на свою мать? Она мне жизнь дала.

Правильно? – Родик посмотрел на Пузырькова умными серыми глазами.

– Конечно, – кивнул Костя. – Святое дело. На мать обижаться – грех. Как можно.

– А вот папа мой был...

– Турецкоподданный? – почему-то спросил Костя.

– Нет, – Родион пожал плечами. – Почему? Папа мой был профессор ботаники. Обычный советский интеллигент. Жена, двое детей. Я третий, незаконнорожденный.

– То есть как? – спросил Костя.

– Очень просто. Моя незабвенная мамочка в далеком шестьдесят восьмом году училась в ростовском лесотехническом институте, где мой папочка читал свою ботанику. Много позже я побывал в Ростове и обнаружил в архиве этого института ведомость, где напротив предмета «ботаника», после имени и фамилии моей матери, стоит краткое слово «зачет», далее число и размашистая подпись моего папаши. Причем вторую гласную в слове «зачет» можно читать и как «е» и как «а». Я не удержался и дописал в эту графу свое имя. Получилось: Анастасия Оболенская, ботаника, двадцать восьмое, сентября шестьдесят восьмого года, зачат Родион Оболенский, точка. И подпись: Профессор, Никадим Плотников – мой папашка значит. Вот так вот, Костя, и появился на свет ваш покорный слуга. Мамина «зачатная», пардон, зачетная книжка послужила мне пропуском в этот мир, пусть не самый совершенный, но самый забавный!

Тут Родик допустил ошибку. Слово «пропуск» подействовало на Пузырькова как щелочек пальцев гипнотизера на человека пребывающего в гипнотическом трансе. Пузырьков неожиданно вспомнил для чего он приставлен к своему тринадцатому плацкартному вагону.

– А билет? – выпалил он и его рука рефлексивно потянулась к лежащему на столике компостеру.

– Что, билет? – Родик как ни в чем небывало посмотрел на проводника. – Какой билет?

– Как, какой билет? – Костя взял со стола компостер и ехидно помахал ими перед лицом Родика. – Такой билет! Твой билет! Подтверждающий твое право на проезд в моем вагоне!

– Ах, билееет! – Родион улыбнулся и стал хлопать себя по нагрудным карманам рубашки, бросая по сторонам взгляды, словно его билет лежит где-то на видном месте. – Сейчас, мастер, все будет! Что я не понимаю, что ли? У тебя своя служба, у меня... – взгляд Родика вдруг остановился на собственных носках. – Фиуууу! – присвистнул он. – Вот это да! – Родик протянул руку и потрогал большой палец правой ноги кончик которого проглядывал в самую что ни на есть банальную дырку.

Глава третья

В которой на том самом блюдечко с голубой каемочкой, купюры превращаются в оберточную бумагу, а рубли и доллары в лунные камушки

И тут Родион Оболенский произнес просто монументальную фразу, можно сказать – квинтэссенцию житейской мудрости закоренелого холостяка:

– В жизни каждого мужчины наступает время когда чистые носки проще купить, чем постирать!

С этими словами он взял с полки кейс, который до этого служил ему подушкой положил его на колени, бодренько так щелкнул замочками и откинул крышку.

– Где-то у меня была еще запасная пара носков, – пробормотал Родик глядя в чемоданчик. – Где-то была... Где-то здесь...

С легким, приятным, хлопком на стол купе, рядом с парой превосходных, лакированных туфлей упала плотненькая, похожая на карточную колоду пачка новехоньких пятисот рублевых перетянутых банковской лентой. Следом еще одна.. И еще... И еще...

Несметные, с точки зрения Пузырькова, богатства как

из рога изобилия сыпались на обычный железнодорожный столик. Так чувствует себя экскурсант попавший на экскурсию в знаменитый форд Нокс, где штабеля золотых кирпичей высятся до потолка огромного хранилища, напоминая людям о бренности всего земного, и о том, что золото всего лишь строительный материал из которого можно соорудить что угодно, хоть будку летнего сортира.

Пачки пятисот рублевых были разбросаны по столу, там где недавно пассажиры плацкарты резали колбасу, ломали шоколад в плитках и сооружали бутерброды с майонезом, вареным яйцом, порезанным кольцами луком и жирными лоснящимися шпротами.

Пузырьков сглотнул слюну и новыми глазами, полными детского удивления посмотрел на Родика. Если бы на месте Родиона сидел Коперфильд, непревзойденный Гудини или там, на худой конец, Эмиль Кио, удивление Кости Пузырькова было бы меньше.

Всяких «фокусников» повидал он на своем веку. Но это вам не теща в чемодане – это Эльдorado на белом пластике стола. Вот так, запросто, между делом, груды денег и как говорится, на бочку? Такого Костя еще не видел.

Он осторожно приподнялся с полки заглянул через крышку кейса. Кейс был по самые борта набит брикетами денег. Все пачки состояли только из пятисот рублевых купюр. «Здесь миллионов пять, не меньше, – с ужасом подумал Пузырьков. – Мамочка!» Всякие позывы требовать у Родика

билет мгновенно улетучились. Он не мигая наблюдал за тем, как молодой человек наконец отыскал в чемодане, под грудой денег, пару девственно новых носков, скрепленных тонким ниточным стежком.

Двумя быстрыми ловкими движением, с помощью одного только указательного пальца, Родион снял поношенные носки и бросил их сверху на горку денег на столе. Затем, перекусив зубами стежек, соединяющий пару новых носков, он быстро одел их и, сняв со стола туфли, сунул ноги в уютные лакированные пространства, каким-то странным образом минуя процесс развязывания-завязывания шнурков.

– Во и все! – сказал Родик притопнув ногами. – Терпеть ненавижу рваные носки... Как-то одна горче любимая мною женщина по фамилии Рита Вайсертрегер, служившая, между прочим, прапорщиком в одной пожарной команде, сказала мне: «Родька! Ты стань хоть трижды новым русским, но будешь на БээМВэ кататься в рваных носках.» Новым Русским я так и не стал, но целые носки для меня теперь дело чести! Правильно я говорю? А? Чего молчишь? Язык компостером прикусил?

Родион улыбнулся, подмигнул Пузырькову, взял со стола пачку денег, разорвал с одного конца банковскую упаковку и вынул из пачки несколько пятисотрублевых листов.

– Знаешь, Константин, – сказал Родион раскладывая пятисот рублевки в руке веером. – Рваных носков я с тех пор не ношу, но у меня осталась одна проблема – что делать с по-

ношенными носками? Демонстрирую еще один способ. Сам придумал. Только что, – Родик расправил купюры на манер карт. – Оп! – он виртуозно свернул из «веера» кулек. – Раз, – Родик кончиками пальцев взял со стола носки. – Два, – мастерски, как фокусник шелковый платок, затолкал их в бумажный конус, – Три! – торжественно воскликнул он, смял края кулька и спрятал его в кулаке. – Сим, салабим! Шалай-бахалай! Фокус-покус! – Родик сделал несколько пасов перед оторопевшей физиономией Пузырькова и показал ему пустые ладони. – Где? – хитро спросил он.

– У меня в нагрудном кармане? – с надеждой спросил Костя неожиданно севшим голосом, не понимая, как это можно завернуть дырявые носки в бумагу стоимостью четыре тысячи рублей.

– Правильно, – кивнул Родион.

Пузырьков осторожно коснулся нагрудного кармана рубашки, словно там находилась пластиковая мина с очень чувствительным спусковым механизмом. Перебирая щепотками ткань рубашки, он забрался внутрь кармана и бережно вытащил из него сложенный вдвое бумажный лист, как ему показалось – купюру.

Увы, надежды Пузырькова рухнули, сложились как гаванский сортир из пальмовых листьев под напором урагана «Мери». В руках он держал всего лишь обычный железнодорожный билет дающий право на проезд в обычном плацкартном вагоне.

– Ч... Ч... Что это? – не веря своим глазам спросил Костя у Родика.

– Как, что? – улыбнулся Родион. – Билет! Ты же сам раскричался: «Ваш Билет!!! Билет, попрошу!!!» – Родик передразнил Пузырькова. – Вот, держи, компостируй. Это мой билет от станции Нижние Чигири, до городу Санкт-Петербургу. Вагон «13», место «46», где я сейчас и еду на совершенно законном основании, а не зайцем, как ты, Константин, совершенно необоснованно подумал... И знаешь, что мне кажется, старина? Мне кажется, что это не просто билет «Нижние Чигири – Санкт-Петербург», вагон «13», место «46». Это билет совершенно в новую жизнь.

Родик откинулся назад, оперся спиной о пластиковую перегородку плацкарты и, закинув руки за голову, мечтательно посмотрел в окно за которым над изрубленной гигантской шашкой верхней кромкой леса, по серо-голубому предзакатному небу плыл бледный, полупрозрачный лик восходящие Луны.

– Это как билет на Луну, в необъяснимые светлые дали, где нас наконец ждет счастье и благоденствие, где не деньги правят людьми, а люди правят деньгами. Где вообще нет денег... Ведь на Луне нет денег, правда?

«А, что же там есть тогда?» – спросишь ты, дорогой мой Константин. И я отвечу: «Там есть Лунные камешки, которыми лунные человечки расплачиваются друг с другом». Причем эти камешки совершенно не надо добывать или, там,

зарабатывать. На Луне горы лунных камешков, и каждый желающий может никого не спрашивая набить ими свои карманы, что бы потом расплатиться этими самыми лунными камешками в магазине или там, в ресторане, купить на них билет хоть до станции «Юпитер-сортировочная», хоть до Жмеринки. Представляешь себе такую ситуевину? А, старина?

Сидишь, ты, к примеру в баре или там уличном кафе под пластмассовым зонтиком и смотришь с Луны на нашу голубую землю, вот точно так же как я сейчас смотрю на Луну из окна этого поезда. Смотришь, и у тебя заканчиваются деньги, но не от того, что ты на Луну смотрела и деньги у тебя из кармана кто-то втихаря слямзил, а от того, что ты много пива выпил. Официант к тебе подходит, и типа, требует расплатиться, а ты говоришь ему: «Айн, момент!» (Это на их, лунном, значит «шеф, счаз усе будет».) И выбегаешь из бара. И за рукав тебя даже никто не хватает, потому, что ты скоро вернешься.

Выбегаешь ты, Костя, из бара и прямиком рвешь к первой куче лунных камешков. Расталкиваешь народ и набиваешь кошелек доверху, потом возвращаешься в бар и с порога кричишь: «Официант! Мне еще пива! Бабок не меряно!»

Вот это жизнь, старичок! Вот о чем, я мечтаю! Иметь столько денег, что бы не задумываться над тем вопросом – сколько их все таки у тебя есть... Но так, к сожалению, бывает только на Луне. Эх, – Родик разочаровано вздохнул. – Эх, никогда не станут наши земные рубли, там, фунты-стерлин-

ги, американские доллары и даже мексиканские пессо – лунными камешками. На этой стороне неба деньги приходится зарабатывать.

Вот взять, к примеру, одного моего знакомого коммерсанта Лешу Забубенного. Как он, ты думаешь себе на булку с сайрой зарабатывает? Банально и скучно. Ну есть у него две лесопилки под Смоленском. Ну пилит он там дуб и ясень круглосуточно. Потом из этого дуба паркет и гробы элитные делает. Ну зарабатывает на этом денег сколько-то. Ладно. Пусть не сколько-то, но достаточно, что бы и на Маврикий съездить и любовнице норковое манто прикупить.

И что? Одни проблемы. То дуб отсыреет, то ясень заплесневеет. То цена на дерево упадет. То дубовый паркет из моды выйдет, а войдет, к примеру ореховый. Где ж ты столько ореха под Смоленском напилишь?

Это с одной стороны. А с другой? Дуб – это вам не тополь. Что бы он вырос лет сто пройти должно, а то и больше. И дубрав на Смоленщине все меньше и меньше. И Гринпис с другой стороны напирает. Кричит: «Убей бобра – спасешь дерево!»

Вот и крутится Леша Забубенный, вертится, как окорок на вертеле, то с одного боку подрумянится, то с другого. Вроде богатый человек, а денег в займы попросишь – черта с два. Сразу рожу кривит, носочком ботинка асфальт проковыривает и бормочет: «Понимаешь, старина, прикупил я тут тридцать три гектара дубравы, в общем, все деньги в дереве,

старичок, жду вот, у самого на одну кредитку надежда.»

И это не потому, что Леша Забубенный, мой детдомовский побратим человек жадный. Наоборот – широчайшей души человек! Глыбище! А потому, что он коммерсант до мозга костей. И денег у него действительно нет, потому как каждую заработанную копейку он снова пускает в оборот. Бизнес расширяет, так сказать. А расширятся можно до бесконечности. В этом и состоит смысл коммерции. Вот и получается, что вроде бы ты и богат несметно, а денег у тебя с гулькин нос. Несправедливость одна.

Я же считаю, что денег у нормального предприимчивого человека должно быть много, потому что деньги – это лунные камешки, которые никогда не кончаются, потому, что их всегда можно набрать за углом на ближайшей куче щебня, то есть изъять у населения или отдельно взятой личности. Причем без всякого криминала, на законном основании. Человек сам придет и сам отдаст тебе деньги и еще упрашивать будет, что бы ты их взял.

– Как это? – наконец выдавил из себя Костя Пузырьков, пребывавший все это время в глубоком ступоре.

Он никак не мог взять в толк, как это можно просто вот так сидеть над грудой денег, пялится в окно на подступающий закат и беспечно размышлять о каких то там дубах, лесопилках и лунных камешках.

– А вот так это! – Родик развернул кейс внутренностями к Пузырькову, подвинул его поближе к столику и одним ма-

хом сгреб все деньги которые лежал там обратно в чемоданчик. – Ты думаешь, что это такое? Волшебный чемоданчик? Черный ящик? Ты думаешь, я на «Поле чудес» побывал? Неа! – Родион улыбнулся и покачал головой. – Это не просто кейс! Это ТО САМОЕ БЛЮДЕЧКО С ГОЛУБОЙ КОЕМОЧКОЙ! – Родик интонацией выделил последнюю часть фразы. – Здесь ровно двадцать пять миллионов рублей! Или без малого миллион долларов!

Глава четвертая

В которой выясняется, что деньги приносят счастье только тогда, когда не пахнут, и в которой рассказывается о том, как шутят подпольные миллионеры

– Да-да, Константин! И дыши! Дыши, Костя, глубже! Мы проезжаем Сочи! Нет! Мы проезжаем Рио-де-Жанейро, где как известно пятьсот тысяч мулатов и все поголовно в белых штанах! Нет! Какой, к черту, Рио! Это призрачный золотой Эльдorado, который принадлежит нам без остатка! – глаза Родика засияли каким-то магическим огнем. – И знаешь, что самое интересное, Костя!? Самое интересное, что я не вкалывал за эти деньги на урановых рудниках, не убивали и не грабил, не долбил алмазные трубки, не воровал и не обманывал, не выращивал огурцы и помидоры в теплицах, не гонял чартерные рейсы из Турции, не торговал антиквариатом, не продавал за границу цветной метал, не строил космические корабли и не запускал в космос спутники! Я просто взял из задачника жизни чертовски сложное уравнение с двадцать пятью неизвестными и решил его в три счета. А когда я понял, что мой ответ сходится с ответом в конце

задачника, ко мне пришел человек, встал на колени, протянул мне этот чемоданчик и сказал: «На, Родион, прошу тебя! Возьми эти деньги! Он твои по праву!»

– Но так, не бывает, – просипел Пузырьков.

– Бывает, Костя, бывает! – Родион по панибратски похлопал обалдевшего проводника по плечу. – Еще как бывает! И я сейчас докажу тебе это, так же в три счета, как решал свое последнее уравнение.

Я понимаю, что сейчас, Константин, тебе больше всего хочется меня придушить, чемоданчик забрать, а тело мое расчленить кухонным ножом и сбросить по частям с поезда на протяжении тысячи километров. Но, запомни, старик, одну простую вещь. Никогда! Никогда, слышишь? Никогда не иди из-за денег на преступление. Всю свою историю человечество только и делало, что преступало закон ради денег, ради богатства, ради золота. Целые государства и отдельно взятые индивидуумы шли на обман, предательств, разбой, убийство, подлог, мошенничество, ради богатства и может быть еще славы. Но так устроен этот мир, что зло только порождает зло, ложь умножает ложь. И за всю историю человечества несправедные, скажем краденые или отнятые деньги никому не приносили счастья и облегчения. Ты можешь сейчас отнять у меня мой «волшебный чемоданчик», но это не решит твоих проблем. Наоборот. С большой долей вероятности эти деньги принесут тебе только разочарование и несчастье...

– Да, ну!?! – настало очередь усмехнутся Косте Пузырькову. – С такими деньжищами можно быть счастливым где угодно!

– Ха-ха-ха! Ответ не верный, – рассмеялся Родик. – Запомни. Деньги будут в радость только при соблюдении одного из трех условий: ты их выиграл, ты их заслужил, ты их заработал! Во всех остальных случаях тебя подстерегают большие опасности, начиная от угрызений совести и заканчивая цугундером. Этих денег, – Родик указал на содержимое кейса. – Ты не заслужил, не заработал, не выиграл. Ни одно условие не соблюдено. Поэтому, даже, если я сейчас тебе подарю этот чемодан, ничего хорошего тебе от этого не светит.

– Почему это? – обалдело спросил Костя, который теперь уже мог ожидать от Родика, что угодно. Вдруг этот полусумасшедший молодой человек возьмет да и отстегнет ему с барского плеча если не пол чемодана, то хотя бы пару пачек. У него их вон сколько. С другой стороны – чего в жизни не бывает?

– Почему это, почему это? – передразнил Пузырькова Родик. – Потому, что ты ничего не знаешь про писающего мальчика!

– Про кого-о-о-о? – Пузырьков уже действительно стал склоняться к мысли, что Родик – сумасшедший. Это ж надо до такого додуматься! Грязные носки в деньги заворачивать! А тут еще... – Про какого еще писающего мальчика???

– Про обыкновенного писающего мальчика, – как ни в чем

не бывало пожал плечами Родион. – Про мальчика, который пишет. Не понятно?

– Не-а, – как конь в стойле мотнул головой Костя.

– Объясняю, – сказал Родион. – Писающий мальчик – это мальчик, писающий в воду с кормы корабля пришвартованного возле города Архангельска... Тепло? – с надеждой спросил Родион.

– Чего, тепло? – переспросил Пузырьков.

– Ну, как, – удивился Родион. – Неужели тебе ничего не напоминает? Архангельск. Причаливший к берегу парусник? Нет?

– ...???

– Ладно, – махнул рукой Родион. – Даю наводку. На оборотной стороне памятник Петру Первому! Теперь понятно?

– И теперь не понятно, – обречено проговорил Костя.

– Вот и я сначала не понял, – вздохнул Родион. – За это заплатился. Понимаешь, это в пасьянсе, который не сошелся, можно предугадать какая карта осталась лежать рубашкой кверху. А жизнь – это не головоломка. Жизнь – чистейшая математика! Необходимо точно знать чему в каждом конкретном случае равняется и игрек и икс и даже зет! Если ты чего-то не знаешь, то уравнение просто не решается. Вот и я в последнем случае вычислил все иксы и игреки кроме писающего мальчика. Вот так, старичок!

– Я, конечно, извиняюсь, – осторожно проговорил Костя Пузырьков и на всякий случай чуть отодвинулся от Родика

по ближе к коридору. – Но таких денег как у тебя в чемодане честным способом вряд ли кто заработать сможет.

– Вот, чудак-человек! – всплеснул руками Родион. – Я тебе о чем все это время твердил? Я же сказал что? Этих денег я не заработал, а заслужил...

– Это раз, – продолжил Костя. – А во вторых, – Пузырьков запнулся и на всякий случай добавил. – Как мне кажется... Как мне кажется с головой у тебя точно не все в порядке. Сидит с грудой денег в драном плацкартном вагоне, вместо того, что бы греться под тропическим солнцем где ни будь в Испании, едет сам не знает куда, вместо того, что бы ехать куда нужно. Талдычит мне про какой-то Архангельск, про какой-то парусник, про какого-то писающего Петра Первого...

– Писающего мальчика, – с улыбкой поправил Пузырькова Родион. – Петр Первый – это памятник в Архангельске, откуда начиналось возрождение России...

– Да, понял я! – оборвал Родика Пузырьков. – Но ты меня совсем запутал! Причем здесь писающий мальчик!? Какое отношение он имеет к деньгам у тебя в чемоданчике?

– В общем ты прав, – Родик задумался. – Действительно! А был ли мальчик? Но к деньгам он имеет самое прямое отношение. У тебя есть пятисот рублевая купюра?

– А зачем тебе? – с недоверием спросил Костя. – У тебя их вон сколько!

– Нет, – махнул рукой Родик. – У тебя есть твоя, личная,

кровная, пятисот рублевая купюра?

– Ну... – нахмурился Пузырьков. – Где-то была... Одна.

– Покажи, – попросил Родион.

– Она в купе у меня, в бумажнике заныкана.

– Так принеси!

– А зачем тебе? У тебя своих...

– Да принеси, не бойся! – рассмеялся Родион. – Я тебе вон сколько денег показываю и то не боюсь!

– Ладно, – пожал плечами Пузырьков.

Он поднялся ушел к себе в купе. Закрыл за собой дверь на всякий случай. Достал из тайника бумажник. Нашел в бумажнике пятисотку. Потом, подумав секунду, сунул руку под столик, взял накрытую пакетом из под кефира бутылку водки, снял пакет, отхлебнул прямо из горлышка, подумав еще секунду, взболтал содержимое бутылки и отхлебнул по новой. Поморщившись, он накрыл бутылку пакетом, поставил ее на место и передернув плечами вышел в коридор.

Родик встретил Пузырькова радушной улыбкой.

– Ну, – спросил он. – Принес?

– Угу... На! – царским жестом протянул Пузырькову купюру.

– Ну-ну, – усмехнулся Родик. – Какие мы щедрые! Да собственно не нужны мне твои деньги! Просто сядь и внимательно посмотри на этот замечательный образец казначейского билета достоинством в пятьсот рублей. Просто сядь и посмотри на него внимательно. Что ты видишь?

Озадаченный Пузырьков присел, нахмурился и стал напряженно сопя рассматривать денежку.

– Нуууу... – протянул он. – Вот вид на город нарисован. Написано: Архангельск. Вот парусник какой-то. Вот памятник Петру Первому... – Точно! – обрадовано воскликнул Пузырьков. – Был я в Архангельске! И памятник этот видел! Только не думал, что он на пятисотке намалеван! Вот ты к чему эти разговоры завел про Архангельск, про памятник, про парусник... Подожди! – Костя снова уставился на купюру. – А писающий мальчик где? – он наморщил лоб и стал и стал еще более внимательно изучать купюру.

– А писающий мальчик здесь! – Родик, улыбаясь, взял из чемоданчик распечатанную пачку денег, вытащил из нее одну пятисотку и протянул Пузырькову. – У тебя в руках два билета банка России. У них нет никаких отличий за исключением серий и номеров и... Писающего мальчика! На моей купюре, если посмотреть на корму парусника, виден мальчик писающий за борт. А в остальном эти купюры идентичны. Ни один эксперт, ни тем более банковская счетная машинка не отличит их друг от друга. Теперь ты понял???

– Что? – Пузырьков не мигая смотрел то на Родика то на банкноты в своих руках.

– Это... – Родик приподнял чемодан, перевернул его и вывалил содержимое на стол. – Это ФАЛЬШИВЫЕ деньги!!! НЕ НАСТОЯЩИЕ!!! Вот в чем штука. Они, – Родион сделал паузу и со значением произнес. – Они НИЧЕ-

ГО НЕ СТОЯТ. Это бумажки, фантики! Гениальная шутка фальшивомонетчика. Если хочешь, последняя шутка Корейко – подпольного миллионера. Каково, а!? Изготовить идеальную фальшивку, неотличимую от оригинала и... И все таки ФАЛЬ-ШИВ-КУ!!! – по слогам проговорил Родион. Гениально! Надо мной еще никто так не шутил!!! Бис, Корейко!!! Брависсимо! – Родик привстал, чуть не ударившись головой о верхнюю полку, и демонстративно поаплодировал некому невидимому виртуозу. – Я в восхищении! Черт возьми, я действительно в восхищении!

– Фальшивка!? – не веря своим глазам переспросил Костя Пузырьков. – Не может быть! И, что теперь?

– Теперь – ничего, – Родик сел на свое место. – Сбывать фальшивые деньги – все равно, что сбывать краденое. Это не мой стиль. Чистый криминал. Уголовный Кодекс Российской Федерации. Статья 186– я. Часть первая. Изготовление или сбыт поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации... Наказывается лишением свободы сроком от пяти, до пятнадцати лет. С конфискацией, естественно, имущества. Я человек принципиальный. У меня с законом только легкий флирт. Мой девиз: Быть богатым и не красть!

– А с деньгами ты, что будешь делать? – Костя кивком указал на грудку денег.

– Дорогой мой Константин, – грустно улыбнулся Родион. – Замечательный мой кондуктор. Это не деньги. Это –

жухлые листья опавшие с дерева надежды. Что я буду с ними делать? Хм... – Родик задумался. – А действительно? Что? – И он прищурившись посмотрел в окно плацкарты.

Глава пятая

В которой деньги как листья кружатся в хороводе ветра, напоминая о том, что скоро осень, а жить надо

Поезд мчался сквозь вечер все ближе и ближе подбираясь к большому городу на севере. Мчался, вращая под собой землю, которая для него была всего лишь гигантским шаром стянутым обручами железнодорожных веток. Родик смотрел как пролетают мимо холмы, деревья, лесочки, полустанки и заунывно звенящие во тьме железнодорожные переезды, возле которых в очередь выстроились глупые желтоглазые автомобили. А над всем этим плыла такая же желтая Луна, плыла ныряя в кроны деревьев или кокетливо прячась за крыши появляющихся из темноты домов.

Полыхая россыпью огней, из небытия расстояний, как кадр на снимке в ванночке с проявителем, проявлялся пригород Петербурга. Каким станет Питер на этот раз для Родиона Оболенского? Городом надежд или городом разочарований? Каким боком он к нему повернется? Родик не знал. Но в одном он был уверен твердо. Надо двигаться вперед. Снова искать, снова пытаться, снова ловить удачу за длин-

ный пушистый хвост.

– Скоро прибываем? – спросил Родик проводника.

Пузырьков глянул на часы и подавшись вперед посмотрел в окно, как бы вспоминая местность по которой идет поезд.

– Угу, – сказал он. – Метелино проскочили. Пригород начинается. Через пол часа будем на Витебском вокзале... Дык с деньгами то чего? Жалко ведь, – с ноткой нытья в голосе проговорил он и расстроено посмотрел на груды спрессованных в пачки пятисотрублевков. Подумать только – такие деньжищи и ничего не стоят. А все из-за какого-то там мальчика. Кто он этот мальчик? Чей он этот мальчик? Родственника нам этот мальчик? На кой нам нужен это мальчик? Э-э-э-эх! – Пузырьков раздосадовано махнул рукой, привстал и привычным движением, по-хозяйски ловко, открыл окно.

Поток свежего ветра с очаровательным душком прокопченных шпал ворвался в плацкарту. Родион вдохнул этот ветер и зачаровано посмотрел на Костю Пузырькова как на волшебника, Великого Мерлина или, там, старика Хоттабыча.

– Константин! – воскликнул Родик. – Да ты просто гений!

– Правда? – с надеждой спросил Пузырьков.

– Правда-правда! – Родик вскочил и, схватив со стола первую попавшуюся под руку пачку денег, сорвал с нее банковскую упаковку. – Идея грандиозная!!! Выбросить на ветер миллион долларов!

– На ветер!? Как на ветер!? – изумился Костя.

– Да-да! На ветер! Да за это... – у Родика перехватило дыхание от волнения. – За это можно пол жизни отдать! – и с этими словами он выбросил пачку купюр в открытое окно. Пачка рассыпалась на сотню пятисот рублевых купюр, которые как ночные мотыльки взмахнув крылышками, умчались в темноту по ходу поезда.

– Э... Э! Э!! Э!!! – Костя, с круглыми от ужаса глазами, потеряв дар речи потянулся к окну куда улетали деньги.

– Именно на ветер! – продолжал бесноваться Родик, хватая вторую пачку, срывая с нее упаковку и бросая в окно. – Миллион и на ветер! Вот так!!!

– Э-э-э-э-э!!! – Пузырьков никогда не чувствовал себя таким обделенным. Мимо его рта проносили восхитительный, подрумянившийся, с очаровательной хрустящей корочкой каравай стоимостью в один миллион долларов. – Может оставим хоть чуть-чуть? На память? А? – жалобно проскулил он глядя как деньги улетают в окно, прямо в отверстую пасть темноты. – Пожа-а-алуйста?

– Нет, Константин! – воскликнул Родик. – Нет, дорогой мой человек! – Родион взял из кучи денег очередную пачку. – Запомни, – он сорвал с пачки банковскую ленту. – Быть богатым – и не красть! – деньги полетели в окно.

– Ну, всего одну пачку, – проямлил Костя.

– Нет! – отрезал Родик. – Уголовный Кодекс Российской Федерации. Статья 186– я. Часть первая. Изготовление или сбыт поддельных банковских билетов Центрального банка

Российской федерации... Каждая такая бумажка может стоить тебе пяти лет жизни, а за пачку тебя органы раскрутят на полную катушку! Вместо того, что бы ныть, помог бы лучше. А то я так, до самого Питера не управлюсь!

– Я!? – переспросил Пузырьков.

– Ты!

– Я!? Деньги!? В окно!???

– Да! – подтвердил Родион. – Ты!

– Ни за, что, – отрицательно покачал головой Костя.

– Попробуй! – Родик взял со стола пачку и протянул ее

Константину.

– Нет! – Костя протестуя замахал руками, боясь прикоснуться к упаковке пятисоток, словно они должны взорваться как только он возьмет ее в руки.

– Тебе понравится, – ободряюще улыбаясь заверил Костю Родион. – И не о чем тут жалеть. Это ведь все равно не твои деньги а мои... На, возьми пачку!

– Ни за что, – проговорил Костя, но его рука сама потянулась упаковке с дензнаками и приняла ее из рук Родика.

Пачка показалась Косте невероятно тяжелой

– Теперь сорви с пачки ленту! – приказал Родион.

– Не буду, – Пузырьков отрицательно замотал головой.

– Срывай!!! – рявкнул Родик.

– Не могу, – простонал Костя, зажмурил глаза и, как чеку с гранаты, сорвал с пачки денег полосатую ленточку.

– И... Бросай... Деньги... В окно, – четко и уверенно при-

казал Пузырькову Родион. – Ну!!!

– Господи... Господи... – прошептали губы Пузырькова. – Господи... Если ты меня слышишь... Господи, что я делаю??? – Костя резким движением выбросил в окно пачку денег и, не глядя как она рассыпалась на листы, взял со стола следующую.

– Молодец! – похвалил его Родик Оболенский. – Теперь ты научился относиться к деньгам проще!

Пузырьков распечатал новую упаковку и на этот раз с открытыми глазами выбросил ее в окно.

– Ой, – тоскливо обронил он, глядя, как деньги, которые были у него уже в руках разлетаются по ветру.

Пузырьков понял, что не забудет этого момента никогда. Он будет рассказать об этом всем и никто, никто не поверит ему, что он, Пузырьков, обычный, серый, простой человечешка, никогда не хватавший звезд с неба, своими руками выбросил на ветер миллион долларов.

– Ну-с, – Родик потер руки от предвкушения удовольствия. – Научно познавательную, воспитательную акцию «Деньги на ветер» позвольте считать открытой!...

... – Внима-а-а-ание, будьте остаа-аро-о-оружны на переходе! – занудным женским голосом, плоским как лист жести, проакал громкоговоритель над станцией Коблино в пригороде Питера. – В стор-а-а-а-ну Петербург-а-а-а, по перва-а-а-му пути без остаа-а-а-ановки пра-а-а-аследует скорый поезд! Кхем... Кхем... Повта-а-а-аряю! В стора-а-а-ану Петер-

бурга-а-а-а, по перва-а-аму пути, без остаа-а-а-ановки пра-а-аследует скорый поезд! Ота-а-а-айдите от края пла-а-а-атформы и будьте оста-а-а-арожны на переходе! Нюра-а-а, переда-а-ай Пеа-а-атровичу, что я жду его, посля-а-а смены... Поа-а-ка...

Дребезжание громкоговорителя пробудило ото сна пьяньенького Ваню Голубкова.

Ванечку в Коблино знали все. Лет двадцать, а может тридцать, а может сорок, Ваня сам не знал сколько лет назад, вот с этой же коблинской платформы, говорят из-за великой любви, а скорее просто по пьяне, он бросился прямо под отбойник проходящего поезда, но не помер, а только лишился обеих ног, зрения и жалости к самому себе. А как оклемался и выбрался из больницы, прописался слепым калекой при станции. Кормился тем, что народ подаст. Нынче подавали плохо, но зато у Макарки – станционного дворника, сегодня был день рождения и Ванечке обломилось двести грамм водки в пластиковом, хрустящем стаканчике и почти цельный, еще горячий, жареный куриный окорочек из буфета с черным хлебушком, на закуску.

Выпив за здоровье Макарки и закусив, Ванечка мирно уснул на старой потрепанной картонке у входа в вокзал со стороны перрона, подвинув поближе к коротеньким кульням небольшую коробку для сбора денег с корявой надписью «помогитя на хлебушок».

И вот теперь Ваня проснулся, облизнул шершавым язы-

ком потрескавшиеся губы и проговорил, обращаясь к самому себе:

– Ить-ить! Шустрый из Жмеринки вот пойдет, слышь? Десятый час, еть, стало быть? А? Слышь? Собираться пора, ять его еть. За чекушкушкой пора, в качель его еть, слышь? Хватит у нас на чекушку то, а? Слышь?

Мелочи в коробке было не слишком много, но было. Короткими, заскорузлыми, черными от вечной грязи пальцами Ванечка выгреб из коробки монеты и переложил их в карман штопаного перештопанного пиджака.

– Ять его еть, – недовольно проговорил Ванечка Голубков. – Не хватит на чекушку-то, нет, слышь? Ну нечего... Может Макарка добавит... Макарка хороший, он добавит... Добрый Макарка, слышь? – Тут Ванечка прервал свое бормотание и замер, потому что в его тесный, наполненный непроглядной тьмой мирок ворвался вой пролетающего вдоль платформы скорого. Поезд летел мимо Ванечки в сверкающих искрах грохота колесных пар и пыльных сияющих клубах гонимого им ветра.

Ваня всегда замирал, когда мимо проносился поезд и стоял оцепенев пока шум не утихнет, словно пытаясь, что-то вспомнить. Что-то очень важное для себя. Но в сознании, непонятно откуда, возникало только одно женское имя «Лиза», круглое, прыткое и неуловимое как резиновый мячик на бетонных ступеньках, грустное, словно родом из детства.

Налетевший вихрь показался Ване слишком холодным.

А когда грохот поезда затих вдали за переездом в воздухе послышался тусклый шелест.

– Листья! – восторженно проговорил Ванечка и поднял лицо к небу. – Листья! Ить-ить его, слышь! Осень скоро, слышь? – листья касались лица Ванечки, падали ему на плечи и в шепоте падения опускались на асфальт перрона. Много листьев. – Листья, слышь!?! Слышь!!! – неизвестно откуда взявшийся ангел беспричинного детского счастья коснулся своим белоснежным крылом жалкой одежонки слепого, безногого калеки. – Слышь? Слышь?! Слышь!!!

Радуюсь и матерясь Ванечка Голубков оперся на руки и толчком передвинул свое короткое, обрезанное почти по середине тело. Подавшись вперед он переставил обе руки и снова оттолкнувшись сделал еще одни «шаг» в направлении сходен с платформы. (Там, метрах в ста от станции находился малюсенький домик принадлежавший когда-то стрелочнику, а теперь занятый Макашкой под дворницкую.)

«Шаг»... Еще «шаг»... Еще...

Ванечка шел по «листьям» которые так странно, внезапно посыпались с неба на платформу, и которые продолжая падать и падать, тихо и загадочно шелестя.

Маленький, нищий, самый несчастливый, самый бедный человек на земле «шел» по шуршащему ковру из... денег и думал о том, что осень – это здорово... Слышь?

Часть вторая

Ищите женщину

Глава шестая

**В которой Родик торжественно
вступает под «сень Петрову»,
вырабатывает план действий
и действует сообразно этому плану**

Питер встретил Родиона Оболенского по свойски: сизокрылый шальной голубь метко прицелившись из под стальной стрехи гигантского шатра накрывающего перрон Витебского вокзала, нагадил Родику прямо на лацкан пиджака; старуха с огромными клетчатыми кошелками два раза наступила ему на ногу – первый раз специально, второй раз из вредности; и огромная деревянная дверь с латунными ба-ранками вместо ручек, при выходе из вокзала наддала Родику в спину, сообщая ему необходимое ускорение без которого в большом городе человеку просто не выжить.

Однако неспортивное поведение «вестника мира», вредность пенсионерки, и даже ускорение с которым Родиона вы-

бросило в город дверь, нисколько не вывели его из себя, а скорее наоборот – вселили изрядную долю оптимизма.

Родион рассуждал так: согласно первому закону подлости, который гласит, что «если какая ни будь неприятность может произойти, она происходит» – любое дело которое начинается хорошо, скорее всего закончится плохо. А стало быть, если следовать от противного – любое дело которое начинается плохо, скорее всего закончится хорошо.

Правда существовало еще одно следствие: любое дело которое начинается плохо как правило заканчивается еще хуже. Но на это Родион смотреть было нечего. Родик был оптимистом.

Он просто подошел к небольшому кафетерию на улице у вокзала, где торговали пирожками, пончиками и гамбургерами, (по нашему котлетами с хлебом), подошел и попросил салфетку, которой легко стер с лацкана пиджака следы голубиной радости.

– Хорошо, что коровы не летают, – усмехнувшись, проговорил он, подмигнув краснощекой продавщице за стойкой кафетерия и выбросил салфетку в корзину для мусора внутренности которой были устланы заплеванным полиэтиленовым мешком.

«Хозяйка» забегаловки сделала «фыр», скривила пухлые губки в брезгливой усмешке и, демонстративно кутаясь в огромный воротник плотного шерстяного свитера, отвернулась к грилю за мутной стеклянной дверцей которого как

еретики на кострах священной инквизиции в багровых лучах испепеляющего электрического жара, истекая жиром, барахтались обезглавленные бройлерные цыплята.

– Фифочка, – ласково сказал ей Родик на прощанье, ослепительно улыбнулся и сунув пустой кейс по мышку, поблескивая лакированными туфлями в свете ярких фонарей над тротуаром, пошел прочь от вокзала, оставив барышню в неприятных раздумьях над тем, что такое «фифочка» – комплимент, оскорбление или вообще футбольный термин.

А время уже было позднее. Дело шло к полуночи. Родик двигался по широкому тротуару Владимирского проспекта и размышлял о том, «кто он есть» и «как оно будет».

По всему выходило, что на сегодняшний день Родион Оболенский был «никто», звать его было «никак», а место жительства его было «нигде».

Но «лицом без определенного места жительства» Родика назвать было категорически невозможно, ибо лицо это есть в нашей стране имя нарицательное и специальное, скорее даже не лицо а мерзкая рожа, да и где вы видели «бомжа» в костюме от «Жан-Франко Ферре» и часами «Ролекс» на запястье? То-то и оно, что нигде (см. выше).

Родиона скорее можно было отнести к числу лиц с определенными временными трудностями.

И дело даже не в костюме. Потому, что иногда, и даже не иногда, а очень даже часто, можно увидеть на улице дорогую машину, в ней не менее дорогой костюм, а в костюме-то

и нет никого! А машина знай себе катится и правила дорожного движения соблюдает. А костюм знай себе по сотовому телефону треплется, входит, так сказать, и выходит из зоны досягаемости.

В этом смысле Родион Оболенский являл собой образец единства формы и содержания. В нем все было прекрасно! И душа и тело и даже брюки, а о туфлях и говорить нечего. Нормальные, прямо скажем, на нем были туфли, ибо Родик относился к тому типу людей к обуви которых грязь категорически не прилипает, а наоборот даже отталкивается и все тут. Ибо Родион еще в самом начале своей карьеры «взломщика», (именно так – «взломщиком» назвал себя Родик, не потому, что он был специалистом по взлому дверных замков и подбору шифров к конторским сейфам, а потому, что намеревался взломать эту жизнь на предмет получения с нее дивидендов), постиг одну замечательную истину: Никто не вызывает столько доверия у рядового обывателя как человек в идеальной, чистой обуви. Говорят, что это в свое время сказал еще дядюшка Фрейд. Хотя Родик сомневался в том, что наличие-отсутствие чистой обуви как-то связано с сознательным-бессознательным, или там присутствием-отсутствием фаллических символов. Впрочем профессор Фрейд был человеком начитанным и наверняка знал, что говорил, как и Родион, который никогда профессором не был, хотя запросто мог им стать. Если б захотел, конечно. А Родик не хотел, потому, что неизвестно зачем ему быть

ему профессором, когда он и так себя неплохо чувствовал.

Короче, шел Родик по большому городу навстречу неизвестности, а неизвестность была совсем рядом. Мимо пронеслись неизвестные машины, проходили неизвестные люди, творились неизвестные Родиду дела. Неизвестность напирала со всех сторон, петляла и сужала круги. И Родик был бы не Родик если бы не сумел изящно вписаться в обстановку.

Оболенский открыл в уме воображаемый, придуманный им справочник «взломщика» и прочитал: Четырнадцатое правило «взломщика»: Если вы оказались поздним вечером один в чужом городе, у вас нет знакомых, практически нет денег, и вам негде переночевать, то для начала: «Найдите одну женщину...»

– Шерше ля фам! Чего проще! – воскликнул Родион, с треском захлопнул справочник и спрятал его в дальних закоулках сознания. – С другой стороны, – проговорил он. – Что значит нет денег? Какие-то деньги всегда есть. – Родион присел на лавку в стеклянном павильоне автобусной обстановки, положил кейс себе на колени и достал из внутреннего кармана пиджака бумажник.

Ревизия показал, что денег, нормальных денег без всяких там писающих мальчиков, действительно в обрез, то есть мало. Но...

– ... Но думаю, что этого будет вполне достаточно, – пробормотал Родик ловко, как кассир Внешторгбанка, пробежав кончиками пальцев по уголкам нескольких купюр зата-

ившихся в пахнущих типографской краской кожаных складках портмоне. – Прибежали в избу дети... – слегка грассируя с явным удовольствием промурлыкал себе под нос Родик и оглянулся. – Второпях зовут отца. Тятя... – Сразу за остановкой, буквально в нескольких шагах, отбрасывая на асфальт тротуара длинный прямоугольник розового неоновом света, сияла витрина ночного минимаркета. – Тятя... Наши сети... Притащили... О-го-го!

Практически напротив витрины магазина, взвизгнув тормозами, чуть не налетев на бордюр, «лихо» припарковалась ярко красная «девятка». Автомобиль взвыл двигателем, дернулся, чихнул и заглох.

– Приехали, – констатировал Родик. – И хоть стекла тонированные, ставлю сто к одному, что за рулем женщина!

Как всегда, Родион не ошибся.

Только барышня может ехать, например, в «Оке» по автостраде, в левом ряду, со скоростью сорок пять километров в час и делать вид что так и надо, показывая оттопыренный средний палец каждому пролетающему мимо с бешеной (с ее точки зрения) скоростью недовольному, небритому «бабуину» на «БээМВэ», там, «Чероки» или выдавшем виды, заляпанном грязью (подумать только какое нахальство) «Круизере»...

Только барышня может делая левый поворот одновременно разговаривать по сотовому телефону, одновременно поглядывать то на только что сделанный в косметическом са-

лоне маникюр, то в зеркало заднего вида, но не для того, что бы заметить обгоняющий ее слева автомобиль, а для того, что бы проверить – не осыпалась ли тушь с ресниц!!!

И уж конечно только барышня может припарковаться и бросить сцепление не выключив передачи... Ибо женщина за рулем хуже татарина! Ей богу! Иногда просто диву даешься.

Дверца «девятки» распахнулась и на асфальт элегантно опустилась сначала одна тонкая женская ножка, потом другая, в черненьких облегающих брючках и в таких же черных матовых туфельках на высоком, пардон, очень высоком каблучке... (Вот еще одна загадка природы! Как с такими каблучками можно давить на педали – непонятно! Это все равно, что ходить по гамаку на ходулях.)... И из-за руля авто, гордо вздернув к небу носик, увенчанный очаровательными, похожими на пенсне позолоченными очечками, с выражением крайней деловитости на лице показалась Натка Дуренбаум, девица приятная во всех отношениях: стройная, белокурая, и сумасбродная как шальная пуля.

Она хлопнула дверцей машины, перекинула через плечо довольно пухлую дамскую сумку и уверенным, но грациозным шагом двинулась к дверям минимаркета, скользнув по сидящему на остановке Родиду мимолетным, показушно-безразличным взглядом и с помощью такого же показушно-безразличного жеста направляя на автомобиль брелок сигнализации.

«Девятка» по щенячьи всхлипнула, как бы прощаясь со своей хозяйкой, расстроено моргнула фарами и затихла. Барышня скрылась в ярко освещенных недрах магазина.

Сквозь витрину Родион мог наблюдать как она бродит меж полок заваленных товаром, задумчиво поправляя очки на носу и разглядывая банки, склянки, и пакеты со всякими вкусностями. Походив немного по магазину Ната наконец остановилась у стеллажа с марочными винами и взяв в руки бутылку из самого верхнего ряда, стала изучать этикетку.

– Понятно, – пробормотал Родион Оболенский. – Подумать только какая удача... На ловца и зверь бежит!

Он подхватил кейс и, пропустив несколько машин быстро перебежал на другую сторону улицы где такими филиалами райских кущ располагалось несколько цветочных торговых павильонов внутри которых нежные создания похожие на эльфийских принцесс торговали разнообразными образчиками голландской и колумбийской флоры...

Глава седьмая

В которой выясняется, что всякий сыр существует только для того, что бы закусывать красное вино, но не всякое вино можно закусывать всяким сыром. Мораль: Увы нет в жизни совершенства. Но тем не менее жизнь полна сюрпризов

Уж в чем, в чем, а в винах Ната Дуренбаум понимала лучше других. В винах и специфических с точки зрения русского человека сырах. А специфическим у нас считается любой сыр хоть как-то отличающийся от «голландского» калача выращенного на экологически чистом молоке Новгородской губернии.

Всяческие там «монсалваты» «пармезаны», «рокфоры», испещренные пузырьками, подернутые синей, красной, серобуромалиновой, в зависимости от сорта, плесенью, в понимании Наты существовали только для того, что бы ими закусывать вино, а не посыпать макароны, как некоторые тут думают.

А уж вино для Наты, вне всякого сомнения, значило го-

раздо больше, нежели просто продукт брожения винограда.

Вино для Наты Дуренбаум было религией! И все благодаря любовнику ее семнадцатилетней юности, французу с романтическим именем Жорж Ренуар, пилоту авиакомпании «Тур-де Франс». Жорик обучил Нату не только прелестям французской любви, но и премудростям французской кухни, в которой пилот разбирался не хуже чем Пьер Ришар.

О, да! Это было восхитительное зрелище! Высокий, худощавый, уже не молодой, но молодящийся Жорж, в голубой форме летчика, с бутылкой какого-нибудь «Кот де Бург Шато Фор Лубе» в одной руке и кожаным чемоданчиком набитым разными французскими вкусностями в другой, идет через таможенную зону Пулковского Аэропорта прямо к юной, разодетой в пух и прах длинноногой Натке, которая подпрыгивая от счастья ожидает его за стеклянной перегородкой отделяющей владения таможни от зала ожидания.

А потом они ловят такси и катят в «Европу», где до утра продолжается райское пиршество наполненное ароматом французского вина, горечью французского сыра и сладостью русских девичьих губ.

И не важно, что всего через пол года, в одно прекрасное утро, «пленительный Жорик», как называла его Натка, навсегда улетел на своем белоснежном крылатом лайнере в свою Францию и не вернулся, а вместе с Жориком и его сказочно прекрасным «Боингом» растаяли в сыром Петербургском небе Наткины мечты о тихом семейном счастье

в уютном домике в окрестностях Сент-Жермена.

Даже всеильная любовь не в состоянии компенсировать несовершенство жизни.

Ната навела справки через знакомую буфетчицу ВИПЗоны Пулково-2, (кстати, по причине своей сексуальной открытости, довольно осведомленную буфетчицу), и узнала, что у Жоржа Ренуа действительно в предместье Парижа есть крупный особняк, но принадлежащий не ему, а его весьма состоятельной жене у которой, Жорик был, что называется «в кулаке», а так же четверо детей и даже один внук.

Возможно кто-то из коллег Жоры проболтался, так как супруга Жоржа каким-то образом прознала о том, что у ее благоверного в России есть юная, очаровательная любовница, которую он периодически одаривал винами из фамильного погреба. (И не только винами. Жора не был скупердяем. У Натки до сих пор хранится фамильное кольцо, (в смысле не Наткино фамильное, а, естественно, Жорика, точнее евойной женушки) с увесистым брюликом и монограммой «Ренуар».) В общем она похлопотала перед кем надо в руководстве авиакомпании и Жорика враз перевели на авиалинию «Париж-Монреаль», в прямом смысле от греха подальше.

Но это уже было неважно поскольку грех все-таки случился и под сердцем у Наты билось маленькое сердечко потенциального французского подданного.

Об этом она узнала примерно через месяц после исчез-

новения «пленительного Жорика». Немного погоревав Натка, (тогда еще Наташа Ромашкина) поняла, что ей, увы и ах, но таки не суждено стать Натали Ренуар. Расставаться с ребеночком ей не хотелось, хотя бы в память о подаренной ей Жоржем сказке. И, поскольку несмотря на свою юность Наташа была девицей умной и сообразительной, она, не мешкая взяла в оборот одного своего знакомого коммерсанта-топливоторговца Толика Дуренбаума, тоже кстати немолодого мужчинку, уже давно сделавшего ей недвусмысленное предложение, окрутила его, окольцевала, навешала лапши на уши на предмет своей беременности, их якобы общего ребенка, и вскорости, через два месяца, сыграла за его денежки в дорогом ресторане премиленькую свадебку с икрой, танцами под ВИА и мордобоем в туалете. Все как положено.

Толику из-за Наты пришлось развестись со своей женой, но и это было частью ее коварного плана. Таким образом она отомстила мужской половине человечества (читай «пленительному Жорику») за свое фиаско под Сент-Жерменом.

Но и тут Натка просчиталась.

Цацкаться со своей молодой женой Толик не стал. После того как родился ребеночек он купил ей все, что нужно для ведения семейного хозяйства: стиральную машину, утюг, кухонный комбайн и электрический чайник, а сам с утроенным усердием занялся своими бензоколонками и домой заявлялся только для того, что бы поесть, помыться, соорудить спя-

щему в кроватке младенцу козу, быстренько, на скорую руку трахнуть Натку, выспаться и утром снова ускакать на работу.

Весело, ничего не скажешь. Ни тебе прогулок за ручку, ни тебе разговоров о поэзии. Никакой романтики в общем. Да, если честно сказать, Толю Дуренбаума проблемы ухода от налогов занимали гораздо больше нежели проблемы разнотчений в переводе «Гамлета» Маршаком и Пастернаком.

Вот и получилось, почти как в сказке: Вышла Василиса Прекрасная за Ивана Дурака и стала Василиса Дурак, в смысле просто Натка Дуренбаум и никакая там, к черту, ни Ромашкина.

Так прошло десять лет. А в качестве воспоминания о беспечной юности и «пленительном Жорике» ей остался сын – Женечка Дуренбаум и страсть к хорошим французским винам, да отменным сырам.

Разбуди ее среди ночи и она вам расскажет, что «Шато де Гранд Пуш» ни в коем случае нельзя подавать к острым блюдам, а «Шато Тур де Люшей» наоборот как нельзя лучше подходит к пикантной говядине и сыру «Дер-Блю».

Вот и сейчас она просто разрывалась перед выбором между бутылочкой бургунского «Жувет Коте де Бен Виладж» и Бордо «Шато де Турель Медок».

– Понимаете, – с жаром доказывала она скучающей продавщице за кассовым аппаратом. – Франция это единственная страна где вино разделяется не по сортам винограда из которого его сделали, а местности в которой располо-

жен виноградник! Вот например взять вот это Бордо. Названо оно так потому, что произведено в районе Бордо, в провинции Шато, местности Медок, виноградной коммуне Турель...

– Вы, что самая умная, да? – скривив губы в усмешке поинтересовалась кассирша. – Вон у нас израильские вина есть. Наш шеф их больше любит. Попробуйте, может вам тоже понравится...

– Много вы понимаете... – фыркнула Натка. – А... Была не была! Беру обе! – махнула она рукой. – И вот этот сыр еще... И вот «салями» штучку... Все это естественно в пакетик.

– Хорошо, – кивнула кассирша и зацокала накладными черными ногтями по кнопкам на кассе.

– Кредитки принимаете? – спросила Ната.

– Не-а, – покачала головой продавщица.

– А зря...

– Вам виднее, – пожала кассирша плечами и назвала стоимость покупки.

Ната порылась в косметичке (она же кошелек) и поняла, что русской национальной наличности у нее явно недостает.

– А доллары? – отказываться от второй бутылки вина ей не хотелось.

– А сколько у вас? – спросила продавщица.

– Пятьдесят...

– Вась, – кассирша повернулась к охраннику, который

дремал у входа в магазин на табуретке. – Вась, а Вась? Полтинничек у дамы возьмешь?

– Возьму, – буркнул он и полез в нагрудный карман камуфляжа за деньгами и калькулятором. – Вот такой курс устроит? – он показал Нате цифру на калькуляторе.

– Хорошо, – ответила она, отдала охраннику доллары, взяла рубли и передала их кассирше.

Касса затрещала выбивая чек.

– Заходите еще, – сказала кассирша укладывая покупку Наты в полиэтиленовый пакет.

– Все-е-енепременн-н-но, – демонстративно, как бы расшаркиваясь ответила она, подхватила пакет, перекинула сумочку через плече и, игриво подмигнув охраннику, вышла из магазина.

Странный тип в лакированных ботинках и с кейсом на коленях по-прежнему сидел в павильоне остановке.

Завидев Нату он слегка откинулся назад, скрестил на груди руки, забросил ногу за ногу и роскошно улыбнулся, давая понять Натке, что улыбка предназначается именно ей.

Естественно она сделала вид, что не понимает и даже не видит телодвижений молодого нахала, похожего то ли на служащего какого-нибудь банка или крупной иностранной лавки типа «Форда» или «Кока-колы», то ли на просто комерса средней руки, но с амбициями. Хотя в целом молодой человек показался ей довольно интересным.

Всего лишь скользнув по нему взглядом Ната быстрым

шагом пошла к своей «девочке», сиротливо уткнувшейся черным бампером в бордюр тротуара.

Сняв машину с сигнализации она открыла ее, бросила на переднее пассажирское сиденье сумку и пакет с бутылками, плюхнулась за руль, хлопнула дверцей, вставила ключ в замок зажигания, повернула его и несказанно удивилась тому, что не услышала привычного рокота из-под капота. И хотя приборная доска «девятки» сияла элиминацией как новогодняя елка в Кремлевском Дворце Съездов, «девочка» категорически отказывалась заводиться и вообще проявлять хоть какой-то энтузиазм. То есть стоять ей очевидно нравилось больше нежели ехать, а не наоборот.

Подергав еще несколько раз ключом в замке зажигания Натка, недовольно фыркнула, как кошка намочившая лапки, выбралась из машины и несколько раз обошла авто быстренько соорудив на своей симпатичной мордашке крайне недовольную и озабоченную мину, поскольку тип на остановке продолжал палится на нее и улыбаться, не говоря при этом ни слова и, что странно, не пытаясь комментировать происходящее.

«Нахал!, – подумала Натка снова усаживаясь за руль. – Нахал и хам! – уже в слух проговорила она и снова покрутила ключом в замке».

Тишина...

Чувствуя, что начинает нервничать, Ната, на этот раз гораздо проворнее, выскочила из автомобиля и во второй раз

обошла его по кругу. Ничего не изменилось: фары горели, поворотники мигали, тип наблюдал за ней и бестактно плющил физиономию в улыбке, «девочка» ехать отказывалась категорически и безосновательно.

Пнув переднее колесо, Натка поджала губки и наморщила лобик, собираясь с мыслями.

Самым логичным в этой ситуации ей представилось открыть капот автомобиля и заглянуть внутрь, где по слухам располагался двигатель. Что Ната и сделала.

Повозившись изрядно она наконец обнаружила под рулем заветный рычажок и потянула его на себя. Капот «девятки» щелкнул и слегка приподнялся. Достав из «бардачка» матерчатые перчатки Натка натянула их себе на руки, подошла к машине спереди, с некоторым усилием приподняла крышку капота вверх, заглянула внутрь и почувствовала как у нее перехватывает дыхание от неожиданности.

– Ой! – зачарованно обронила она. – Какая прелесть!

Если кто-то думает, что вид разных там блоков цилиндров, карбюраторов, масляных фильтров, стартеров, регуляторов, генераторов и прочей ерунды составляющей часть той хитрой механики которая приводит в движение автомобиль, может вызвать у инфантильной девушки реакцию полную удивления и восхищения, то он ошибается.

Даже если бы под капотом «девятки» оказался не железный двигатель, а огромное деревянное колесо которое приводили в движение сорок семь мускулистых хомячков тай-

ской породы, Натка удивилась бы меньше. Ибо все, как сперва ей показалось, пространство моторного отсека было заполнено... Чем бы вы думали? Розами! Огромными благоухающими розами с во-о-о-от такими рубиновыми бутонами, похожими на треснувшие от безысходной любви человеческие сердца, и во-о-о-от такими шипами на длинных и твердых стеблях.

Но приступ цветочной эйфории прошел у Наты практически моментально и она поняла, что стала жертвой какого-то странного розыгрыша и даже уже начинала догадываться – кто ее мог так разыграть.

– Таааак... – протянула она медленно опуская капот. – Угу... Понятно, – она посмотрела в сторону остановки и стараясь выглядеть как можно более надменной, сердито проговорила. – Месье Улыбчивость! Подойдите ко мне пожалуйста! – очки на курносом носике девушке гневно сверкнули. – Что вы сделали с моей машиной!? А!?

Глава восьмая

В которой ненависть переходит в недоумение, а недоумение в глубокую симпатию.

И в которой Родик проявляет чудеса проницательности

– А почему вы решили, что это сделал именно я? – сказал Родик подходя к дамочке изображающей из себя взбешенную фурию.

– Ага! – Натка всплеснула руками. – Я так и думала! Вы, молодой человек не только нахал, хам, но еще и подлый интриган!

– Я!? Господь с вами!

– Вы!

– Я!? – Родик ткнул себя в грудь указательным пальцем. – Нахал? Хам? Интриган!? Вы, барышня, меня с кем-то путаете! – Родион демонстративно оглянулся по сторонам, как бы высматривая ту мерзкую личность которой Ната отвесила столько замечательных эпитетов.

– Прекратите паясничать, – оборвала его Натка. – Зачем вы это сделали?

– Разве я, что-то сделал? – по-детски невинно хлопая гла-

зами спросил Родик.

– Не смешно, – фыркнула Ната, приподняла крышку капота и поставила под нее подпорку, что бы та не упала. – Ваша работа, месье Недоумение?

– Что именно?

– Цветы.

– Цветы? – Родик глянул под капоты и удивленно произнес, – Ух-ты! Розы! Да какие красивые! Определенно барышня вы пленили чье-то пылкое мужское сердце. И я думаю, что...

– Да, Розы! – оборвала Ната Родика. – И мне неинтересно, что вы думаете... Так ваши розы или нет?

«Да, – подумал Оболенский. – Тяжелый случай. Как говорил мой друг Костя Остенбакин – клинический. А Костик знал, что говорил, потому как в морге работал. Прозектором».

– Позвольте, барышня, задать вам один, мягко скажем наводящий вопрос? – со всей вежливостью на которую был способен обратился Родик к девушке. – Если вы думаете, что это МОИ розы, то что они делают в ВАШЕЙ машине?

– То есть? – Ната посмотрела на Родиона с некоторым недоумением.

– На самом деле все очень просто, – сказал Родик. – Если это МОИ розы, то они должны лежать в МОЕЙ машине, соответственно ВАШИ розы должны лежать в ВАШЕЙ машине. Подчеркиваю – В МАШИНЕ, не НА, не ПОД, а В ЗА-

КРЫТОЙ машине! И поскольку вы, барышня, не станете утверждать, что это МОЯ машина, а наоборот скажете мне, что это машина ВАША, то тем самым вы докажете, что и розы принадлежат ВАМ... С другой стороны если вы все таки станете доказывать мне, что это МОИ розы, то тем самым докажете, что это МОЯ машина, а вы просто сидели на остановке и ждали автобуса, а это будет неправильно, потому, что никакого автобуса вы не ждали, а на остановке как раз сидел я, а вы пошли в магазин выйдя из ВАШЕЙ машины, а когда вернулись, то в ней лежали ВАШИ розы...

– Подождите, подождите, – Натка протестуя замахала руками. – Стоп! Вы думаете что я дурочка, да? Да!? И напрасно вы так думаете! – Очки Наты еще раз гневно сверкнули. – Так вот! Я не дурочка! Сей час же прекратите заговаривать мне зубы, забирайте свой колючий веник и катитесь на все четыре стороны! А то завел тут! ВАША МАШИНА! НЕ ВАША МАШИНА! – Ната передразнила Родика. – Да, МОЯ!!! А веник ваш. Берите его и валите к чертям собачьим, а свою демагогию оставьте для липких ПэТэушниц с Сенной площади. В моем лице благодарного слушателя вы не найдете! Ни за что! И не старайтесь, месье так называемое Красноречие!

«Та-а-а-а-к... – подумал Родион. – Дела мои явно идут в гору. Переходим ко второму этапу. Пьеса: „Сто пятнадцатый подвиг Дон Жуана“, часть вторая. Начали!»

– Барышня, – Родик сделал шаг назад, как бы отступая

под напором девушки и заговорил подчеркнуто тактично. – Не поймите меня неправильно, но ничего дурного я ввиду не имел. Да, действительно это мои розы... Были. А теперь они ваши. Нравится вам это или нет. Но вижу, что наше мимолетное, так сказать, знакомство не доставляет вам удовольствия, поэтому я приношу вам свои извинения и вынужден откланяться. Извините. Очень жаль. – Родик кивнул, демонстративно развернулся на каблуках, и пошел к остановке, где на скамейке остался лежать его кейс.

– А цветы!?! – крикнула Ната ему в спину. – Заберите ваши цветы, месье Забывчивость!

Родик не оборачиваясь поднял вверх руку и покачал раскрытой ладонью над головой, мол, пока, детка, и никаких цветов!

– Ах, так!?! – вспыхнула Ната. Ее просто захлестнула волна злости. – Ну, подожди! – прошипела она, нагнулась над мотором, сгребла цветы в охапку, в запале почти не чувствуя, как несколько шипов впились ей в руку сквозь материал перчаток и, подхватив благоухающий букет, обогнав Родиона, швырнула полыхающие пурпурным огнем розы на скамейку остановки рядом с чемоданчиком молодого человека.

Родик пожал плечами, усмехнулся и уселся рядом с цветами.

Ната одарила Оболенского взглядом полным презрения и не говоря ни слова вернулась к машине захлопнула капот, прыгнула в салон и... включила зажигание. Естественно, на-

персно.

Родика начало распирать от смеха. Он то знал, что торжественным выносом роз дело не закончится.

Ната почувствовала себе круглой идиоткой. Во-первых, только что она, как самая настоящая дура отказалась от шикарных, сказочных роз. Во вторых, машина по прежнему никуда не едет. И в-третьих...

– Впрочем не важно... – сказала она, помедлила с пол минуты, набрала полную грудь воздуха для храбрости, выбралась из машины и, не закрыв дверь, пошла к ухмыляющемуся Родиону.

– Ну? – Ната специально почти в упор встала прямо перед Родиком, так что он практически уткнулся носом ей в живот, и надменно скрестила на груди руки.

– Что? – Родион не вставая посмотрел на девушку снизу в верх высоко задрал голову.

– В чем дело? – спросила Ната.

– В смысле? – хитро поинтересовался Оболенский.

– Что ты сделал с моей машиной?

– Мы уже на ты? – якобы удивился Родион.

– Допустим, – хмыкнула Ната.

Теперь она действительно понимала, что «в-третьих» этот тип определенно ей нравится. Поэтому выбранный им столь странный способ знакомства и вызвал у нее такую чересчур эмоциональную реакцию. Хотя с другой стороны попробуй Родион познакомится с ней в менее экстравагантной манере,

она в его сторону может быть даже и не посмотрела.

Ох уж эти женщины! Если бы среди генераторов случайных чисел устроили соревнование, то женская логика наверняка заняла бы первое место!

– Я согласен, – кивнул Родик, встал с лавки и произнес с достоинством, представляясь. – Родион. Оболенский.

– Не уходи от ответа, – Ната не отрываясь смотрела в глаза молодого человека, которые были теперь от нее так близко.

«Боже! – подумала она. – Какие у него глаза!»

– Я кажется только, что сказал, что меня зовут Родион, – Оболенский хитро посмотрела на девушку.

«Да, – подумала Ната. – Хитрые глазки, коварные, но КАКИЕ!!!»

И добавила вслух:

– Так зачем, все-таки, ты сломал мою машину? Отвечай!

– Я ее не ломал, – улыбнулся Родик.

– Я милицию позову, – улыбнулась Ната.

«Наконец-то она улыбнулась! – подумал Родик».

«Я сделала это! – подумала девушка».

– Зови, – пожал Родион плечами. – Может они тебе ее починят.

– А может ты починишь? – в улыбке Наты появилась некая игривость.

– А может ты тогда возьмешь розы? – сказал Родик и подумал: «А она очаровательно улыбается!»

– А может и возьму! – с вызовом проговорила Ната.

– А может тогда тебе нужно вот это? – Родик сунул руку в нагрудный карман пиджака и достал короткий розовый электрический проводок.

– Что это?

– Похоже это главная деталь в твоём автомобиле, – иронично предположил Родион. – Так берешь цветочки или нет?

– Беру! Так и быть! Уговорил! – Ната наклонилась над скамейкой и взяла букет на руки. – Ой, – вскрикнула она. – Опять укололась!

– Помочь? – поинтересовался Родион.

– Нет, – Ната поморщилась. – Ничего страшного.

– Тогда пойдем чинить твоё авто?

– Я же говорила, что вы нахал, месье Родион Оболенский! – возмущенно сказала Ната направляясь к машине. – Теперь, как порядочный человек и настоящий джентльмен... Ты ведь джентльмен, правда?

– Можно и так сказать, – усмехнулся Родик, ступая следом.

– Так вот, теперь, как джентльмен и порядочный человек ты просто обязан...

– Женится на тебе? – вставил Родион.

Он подошел к автомобилю, склонился над моторным отсеком и вставил проводок на место. Эта операция отняла у него секунд тридцать времени.

Ната рассмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.